

Титаренко И.Н. Стоическая теория языка в свете идей современной психолингвистики и когнитивной антропологии // Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья. Материалы VI международной научной конференции. Отв. ред. В.Н. Вдовин. Выпуск 1. Алматы: Изд-во Алматинского филиала Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2009. 384 с. С. 108-120.

И.Н.ТИТАРЕНКО

СТОИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В СВЕТЕ ИДЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И КОГНИТИВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

-[108]-

Изучение языка является сферой междисциплинарных исследований, в которой объединяются в настоящее время усилия философии, лингвистики, логики, психологии, культурологии и целого ряда других наук. Становится все более очевидным, что современные науки о человеке, в том числе науки о языке, столкнулись с задачами, которые могут решаться только в русле интегративного подхода, объединяющего усилия представителей различных специальностей¹. И это не случайно, поскольку обращаясь к анализу естественного языка, исследователь не может избежать вопросов о соотношении языка, мышления и действительности, о раскрытии механизмов человеческого познания, о межкультурном общении, о влиянии языка на специфику восприятия окружающей действительности у разных этносов и т.д.

¹ Залевская А.А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики: Сб. статей М.; Барнаул: ИЯ РАН; Изд-во Алт. ун-та, 2003. С.35-49.

Анализ языка, являющегося средством коммуникации и орудием мышления, то есть знаковой системой, позволяющей выделять и идентифицировать объекты окружающей действительности, обобщать их признаки и формулировать абстрактные мысли, обеспечивает более глубокое понимание природы человека. Социальный, обладающий сознанием человек выражает свою субъективность, включая и мыслительные процессы, посредством языковых форм. Вследствие этого, современные лингвистические научные направления (психолингвистика, социоллингвистика и др.) избирают антропологическую парадигму, которая требует соединять системный анализ собственно лексики с философским знанием о человеке как сознательном, социальном, культурном существе. С другой стороны, дальнейшее продвижение в области философской антропологии и

-[109]-

философии сознания с необходимостью требует осуществления глубокого анализа языка, его структур и функций. Как отмечал еще Э. Сепир, «примечательно, что и философия в последнее время все в большей, нежели раньше, степени начинает заниматься проблемами языка. Давно прошло то время, когда философы простодушно могли переводить грамматические формы и процессы в метафизические сущности. Философу необходимо понимать язык хотя бы для того, чтобы обезопасить себя от своих собственных языковых привычек, поэтому неудивительно, что, пытаясь освободить логику от грамматических помех и понять символическую природу знания и значение символики, философы вынуждены изучать основы самих языковых процессов»¹.

Однако следует отметить, что осознание необходимости глубокого философского анализа языка не стало «открытием» XIX или XX веков. Понимание важности изучения языка в процессе построения картины мира

¹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С.264.

пришло к философам еще в период античности. Примером этого являются лингвистические представления стоической школы. Идеи стоиков – Зенона, Хрисиппа, Диогена Вавилонского – традиционно рассматриваются как в истории философии, так и в истории лингвистики, поскольку эти мыслители создали целостную систему знаний о языке, рассматривая его как проявление разума. При этом учение стоиков разрабатывалось на основе языкового материала, прежде всего – семантического синтаксиса.

Лингвистические идеи традиционно излагались стоиками в рамках логики. Логика являлась важнейшей частью их учения, непосредственным образом связанной с физикой и этикой¹. Она была призвана выполнять функции общей пропедевтики и эпистемологии, и, как правило, с нее начиналось изложение стоической ортодоксальной доктрины. К сожалению, логической части стоического учения время нанесло наибольший урон. Логическая терминология Стои достаточно сложна, и поскольку сочинения ранних стоиков были утрачены, а поздние стоики

-[110]-

логикой интересовались мало, судить о логике возможно только по вторичным изложениям, часто отличающимся фрагментарностью. Тем не менее, логическая часть стоической философии в настоящее время достаточно хорошо реконструирована², что позволяет исследовать и анализировать сохранившиеся представления стоиков о языке.

Стоическая логика разделялась на два основных раздела – риторику как искусство убеждать и диалектику, включающую в себя грамматику (учение об обозначаемом) и формальную логику (учение об обозначаемом). Иногда в

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VII, 40.

² См.: Mates B. *Stoic Logic*. Berkeley; Los Angeles, 1953; Barwick K. *Probleme der Stoischen Sprachlehre und Rhetorik*. B., 1957; Bobzien S. *Die Stoische Modallogik*. Würzburg, 1986; Egli U. *Zur Stoischen Dialektik*. Basel, 1967; Frede M. *Die Stoische Logik*. Göttingen, 1974; Поляков И.В. Знаковая проблематика в философии Стои // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. История, филология и философия. Вып. 2, №10. Новосибирск, 1988 и др.

логической части в качестве самостоятельных разделов выделяют также учения о критерии познания и о способах классификации определений.

По мнению стоиков, познание мира человеком начинается с чувственного познания, и мышление имеет своим исходным материалом чувственные данные. До начала какого бы то ни было чувственного опыта душа человека «подобна чистому листу, готовому для записей»¹. Из чувственных данных, передаваемых пневмой (pneuma) к руководящему началу, образуется отпечаток в душе – впечатление (phantasia)². При этом, стоики были убеждены в том, что чувства не обманывают человека, а значит, не могут оцениваться как истинные или ложные. Истинность или ложность может характеризовать только высказывания, на которые должно быть получено «согласие» разума (как предварительная оценка смысла высказывания, но не самого впечатления)³. Это согласие (sygkatathesis) представляет собой способность подвергать анализу и

-[111]-

предварительной оценке высказывания о содержании впечатлений. Результатом такого анализа будет выступать постижение (katalepsis), сущностью которого является схватывание предметного содержания. Постижение выражается соответствующим высказыванием. Высказывание, таким образом, представляет собой смысл, выражаемый при произнесении соответствующего предложения⁴. Вероятнее всего, согласие как раз и предполагает исключительно одобрение высказывания, выражающего содержание впечатления⁵.

¹ Фрагменты ранних стоиков. Том 1. Зенон и его ученики. Собр. И. фон Арнима. Пер. и комм. А.А. Столярова. М., 1998; Том 2. Хрисипп из Сол. Часть 1. М., 1999. Т.2, ч.1, фр.83. В дальнейшем для ссылки на данное издание используется сокращение ФРС с указанием номеров тома и фрагмента – ФРС, т.2, ч.1, фр.83.

² ФРС, т.1, фр. 58.

³ Секст Эмпирик. Против математиков, VII, 154.

⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VII, 65; Секст Эмпирик. Пирроновы положения, II, 104.

⁵ Климент Александрийский. Строматы, VIII, 5; Секст Эмпирик. Против математиков, VII, 154.

Вопрос о критерии чувственного знания достаточно сложен и его решение сопряжено с рядом проблем¹, поскольку представители Ранней Стои не могли однозначно ответить, следует ли считать таким критерием чувственное впечатление, опыт или так называемое «каталептическое впечатление» (непосредственное усмотрение). Как бы там ни было, последовательности однообразных впечатлений, получаемых человеком, образуют опыт, из которого формируются общие представления, сохраняющие общие признаки последовательности². Этому классу «разумных» представлений не может соответствовать никакая чувственно воспринимаемая предметность, ведь опыт уже получает в них первичное оформление. Таким образом, при описании процесса порождения общих понятий, стоики более склоняются к номинализму.

В диалектике как наиболее важном разделе стоической логики основным предметом интереса было рассмотрение соотношения обозначаемого и обозначающего, т.е. теория знаков. Здесь представители Ранней Стои особо подчеркивали связь между самим знаком (обозначающим; *to sēmainon*), смыслом (обозначаемым; *to lecton*) и предметом (*to tygchanon*). Знак и предмет стоики считали телесными, а смысл – бестелесным. Таким образом, в основе диалектики стоиков лежало представление о знаковом характере логоса, выражавшееся в необходимости различать в речевом акте

-[112]-

обозначающее (звук человеческой речи) и обозначаемое (смысловую сторону речи как связующее звено между мыслью и звуком). Наличие данных идей свидетельствует о том, что стоики одними из первых выдвинули само понятие языкового знака, положив тем самым начало семиотической теории языка.

Изложение раннестойических идей о связи знака, смысла и предмета можно легко обнаружить у представителя Поздней Стои римского философа

¹ См. более подробно: Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками Групп», 1998. С. 48-68.

² Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 120, 4-5.

Сенеки: «Есть тела различной природы: например, это человек, а это – конь. За ними следуют движения души, возвещающие о теле (*has deinde sequuntur motus animorum enuntiativi corporum*). В таких движениях есть нечто самостоятельное, отдельное от тел (*hi habent proprium quiddam et a corporibus seductum*). Я вижу, что Катон гуляет. На это указало мне чувственное восприятие (*hoc sensus ostendit*), а душа этому поверила (*animus credidit*). То, что я вижу, есть тело (*corpus est quod video*), на которое я направил и свои глаза и свой ум (*cui et oculos intendi et animum*). После этого я утверждаю (*dico*) «Катон гуляет»»¹. Есть предмет познания – определенная мировая ситуация, явление. Вследствие воздействия его на органы чувств, в данном случае – глаз, возникает чувственное представление, осмысление которого происходит в душе (то есть, фактически в разуме), появляется идеальный смысл или содержание знания, которое, наконец, выливается в суждение. Смысл высказывания бестелесен: «Вовсе не является телом то, что я сейчас высказываю, но оно есть нечто возвещающее о теле (*non corpus, inquit, est, quod nunc loquor, sed enuntiativum quiddam de corpore*)»². Как видно, Сенека в этом вопросе является приверженцем догматики своей школы и практически не вносит никаких изменений в стоическое учение о бестелесном смысле, обозначаемом греческими стойками как *lecton*³. Сенека затрудняется с переводом этого термина

-[113]-

на латинский язык: «Одни называют его высказанным (*effatum*), другие – возвещенным (*enuntiatum*), третьи – сказанным (*edictum*)»⁴.

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 117, 13.

² Там же.

³ ФРС т.2, ч.1, фр. 168; Секст Эмпирик. Против математиков, VIII, 11-12. Анализ древнестойического учения о «лектон» см. подробнее: Лосев А. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979, с. 87-91; Mates B. *Stoic Logic*. Berkeley, Los Angeles, 1953; Mau J. *Stoische Logik* // *Hermes*. 85. 1957; Frede M. *Die stoische Logik*. Göttingen, 1974.

⁴ Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 117, 13.

Различие между смыслом и обозначающим его звуком стоики понимают как различие между внутренней (*logos endiathetos*) и внешней, выраженной (*logos prophoricos*) речью. Внутренняя речь есть совокупность смыслов, то есть то, что мыслится при произнесении соответствующих слов. Внутренняя речь (*logos endiathetos*) свойственна лишь существам, тогда как звуки способны издавать также и животные. Таким образом, стоики через анализ языка выходят на проблему человеческой природы и её специфики в сравнении с природой других живых существ. Разумное существо способно передавать содержание своего сознания другим разумным существам посредством слова. Дети (не обладающие, по мнению стоиков, разумом) и животные не знают смыслов и правильной связи слов (синтаксиса), обладая только «внешней» речью без фиксированных смыслов: «Ведь подобно тому, как изображение человека не является человеком, точно так же у воронов, ворон и маленьких детей (которые только начинают говорить) слова – это еще не [настоящие] слова, ибо они не говорят [осмысленно]»¹. Люди способны «не просто получать впечатление, (к чему способны и животные), а создавать переменное и сложное представление»².

Правильная логическое следование на уровне смысла («лектон») является субъективной гарантией осмысленности мироздания и связано с отражением причинно-следственных связей³. Законы языка и мышления не определяют форм мироздания, они только раскрывают то объективное содержание, которое, согласно учению стоиков, имеется в космосе. Человеческий разум есть лишь частичка космического Логоса, определяющего и обеспечивающего всеобщую объективность и целостность мироздания. «На уровне «лектон», общей основы артикулированной речи и мышления, впервые наглядно проявляется всеобщий закон космической причинности. Правильная

¹ Варрон. О латинском языке, VI, 56.

² Секст Эмпирик. Против математиков, VIII, 275.

³ Секст Эмпирик. Против математиков, VIII, 275-276.

импликация на уровне «лектон» является субъективной гарантией осмысленности мироздания и состоит в фиксации причинно-

-[114]-

следственных связей: самый знак выражает отношение «если то, то это», т.е. операцию умозаключения от причины к следствию и наоборот. В стоической картине мира закон причинно-следственной связи выступает концентрированным выражением глобального детерминизма, гарантом единства мироздания»¹. Для стоика только правильно познанная логика позволяет делать верные выводы в отношении устройства мира и человеческого поведения: порядок и связь смыслов должны быть те же, что порядок и связь денотатов.

Каким бы странным это не показалось, но проблема соотношения знака и обозначаемого им предмета, обсуждавшаяся стоиками, до настоящего времени находится в сфере внимания современной логики, лингвистики, семантики. Особый интерес она представляет применительно к анализу языковых выражений, имеющих функцию указания, именованя, идентификации объектов и выступающих связующим звеном между мышлением и миром: каким образом эти выражения указывают на объекты – посредством некоторого концепта (линия Фреге), либо некоторым более непосредственным и прямым путем (линия Доннелана, Каплана, Крипке, Патнэма).

В философии стоиков достаточно легко обнаружить также тему межкультурного общения, находящуюся сегодня в фокусе исследований представителей психолингвистики и когнитивной антропологии. Бестелесное обозначаемое или чистый смысл, – это то, чего не могут понять варвары, слыша звуки греческой речи². Различие в словесном выражении одних и тех же

¹ Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками Групп», 1998. С. 71.

² Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VII, 55; Секст Эмпирик. Против математиков, VII, 38.

смыслов тождественно различию между языками¹. Будучи убежденными в единстве мира, управляемого мировым разумом, в общности человеческого сознания и общей логической структуры мира, стоики утверждали единство смыслов, выражаемых различными словесными выражениями. И эта тема приобретала особое звучание, учитывая провозглашенный стоиками космополитизм.

-[115]-

Современная психолингвистика и когнитивная антропология, безусловно, преодолели эти слишком категоричные выводы стоиков. Накопленные наукой знания о соотношении языка, культуры и мышления позволяют говорить о том, что национальные различия во внешней речи (*logos propheticos*), в звучании сказанного выражают определенные культурой различия в восприятии и оценке окружающей действительности, а значит, и различия в смыслах сказанного («лектон»). Как писал В. фон Гумбольдт, «человек преимущественно – да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, – живёт с предметами так, как их преподносит ему язык... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка»². Гипотеза лингвистической относительности, выдвинутая в начале XX века Э. Сепиром и Б. Уорфом и давшая толчок серьезным сравнительным исследованиям естественных языков, отрицая наличие универсальных предметных кодов восприятия действительности, соотносит качество и способ восприятия человеком реальности с соответствующим типом языковой культуры. Так, в частности, Э. Сепир в работе «Статус лингвистики как науки» отмечал: «Представление о

¹ Секст Эмпирик. Пирроновы положения, I, 65; Против математиков, VIII 275; 278.

² Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М., 2001. С. 80.

том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности же «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками. Понимание, например, простого стихотворения предполагает не только понимание каждого из составляющих его слов в его обычном значении: необходимо

-[116]-

понимание всего образа жизни данного общества, отражающегося в словах и раскрывающегося в оттенках их значения... Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества»¹.

Гипотеза лингвистической относительности, рассматриваясь по-прежнему именно как гипотеза, неустанно подвергается эмпирической проверке (уместно вспомнить здесь исследования по данной проблеме Дж. Лакоффа, М. Джонсона, З. Кёвечеш, Б. Берлина и П. Кея, Р. Маклори, А. Вежбицкой и др.), подтверждающей, что естественные языки определенным образом «концептуализируют» внеязыковую реальность. Различные языковые конструкции и словарные связки, действуя на бессознательном уровне, способствуют созданию типичной картины мира, которая присуща носителям данного языка и выступает в качестве схемы каталогизации индивидуального опыта. «Люди смотрят на одни и те же предметы реальности, но видят их

¹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 260-261.

совершенно по-разному... Хрестоматийные примеры: там, где русскоязычные люди видят один цельный объект – руку, носители английского языка видят два совершенно разных: hand, arm. И видение это навязано и тем, и другим родным языком, создающим таким образом языковую картину мира»¹. Широко известны и другие факты, иллюстрирующие разницу в восприятии мира носителями различных языков: там, где русскоязычные различают семь цветов спектра, аборигены – носители либерийского диалекта Басса увидят только лишь два цвета; где русскоязычные разделяют два цвета – синий и голубой, там англоязычные назовут лишь один «blue»; звук капающей воды русскоязычные обозначат «кап-кап», англичане – «drip-drip», а японцы – «poto-toto». В качестве примеров того, как по-разному языки концептуализируют реальность, естественно, наиболее часто используются такие фрагменты лексических систем, как названия частей тела, термины родства или порядок цветообозначения

-[117]-

у различных народов. Например, в современные исследования по цветообозначению у различных народов вовлечено уже несколько сотен языков, включая языки малых народов Новой Гвинеи, Центральной Америки, Африки.

Конечно, нужно помнить о том, что гипотеза лингвистической относительности (особенно в варианте жесткого лингвистического детерминизма) абсолютизирует роль языка в познавательных процессах, что зачастую ведет к неправомерному представлению об отрыве познания, осуществляемого посредством структур языка, от реального мира и тезису об абсолютном тождестве языка и мышления. Достаточно указать на то, что познавательный процесс включает в себя значения, существующие не только в языковой форме, но и в форме сенсорно-перцептивных эталонов и

¹ Тер-Минасова С.Г. Разница культур, или «Давайте жить дружно!» // Сборник научных статей, посвященный 75-летию И.А. Цатуровой. Таганрог: 2004. С. 138.

символических действий, не представленных в словесной форме. Если говорить о крайних вариантах гипотезы лингвистической относительности и лингвистического детерминизма, то они, фактически, отрицают возможность объективного знания, поскольку любое изучение мира ограничилось бы только теми явлениями и чертами, которые закодированы в нашем языке. Аналогичным образом оказывалась бы проблематичной и возможность обмена знаниями.

Совершенно иначе обстояло дело у стоиков, для которых язык и более широко – человеческий разум – выступают отражением космической причинности и мирового Логоса. Как указывает в связи с анализом стоической логики А. Столяров, «законы языка и мышления не определяют мироздания; они лишь раскрывают то объективное содержание, которое, по мысли стоиков, действительно имеется в космосе. Человеческий разум есть лишь частное проявление внекосмического Логоса – единственного подлинного гаранта объективности и целостности мироздания¹».

Вместе с тем, в настоящее время на основе психолингвистических опытов приведены многочисленные эмпирические аргументы в пользу неуниверсальности многих принципов языкового общения, рассматривавшихся еще в 80-х годах прошлого века в качестве «коммуникативных постулатов». Внутренние возможности языка, позволяющие владеющим этим языком людям получать, хранить и передавать знания о мире,

-[118]-

теснейшим образом связаны с системой формальных средств и приемов, имеющихся в данном языке – набором звуков, слов, грамматических конструкций. Именно в силу этого глубокое познание языка как формальной системы позволяет приблизиться к пониманию языковой деятельности как

¹ Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками Групп», 1998. С. 71.

важнейшего свойства человеческого существа, а значит, опосредованно, и к пониманию сознания.

Современная философия так же, как и психолингвистика, осознала обусловленные языком различия в восприятии, понимании и оценке мира, сделав этот вывод «общим местом» не только научной, но уже и учебной литературы: «...сознание носителей конкретных языков семантически дифференцировано, что порождает содержательные разрывы, разломы между трактовками, толкованиями явлений у представителей разных языковых общностей – от этнических до культурных»¹. Ментальные представления способны изменяться под воздействием языковых и культурных систем. В силу того, что в конкретном естественном языке концентрированно представлен исторический опыт многих поколений его носителей, ментальные представления носителей различных языков могут не совпадать.

В свете современных идей психолингвистики и когнитивной антропологии представления стоиков, действительно, выглядят слишком категоричными и упрощенными (впрочем, как и идеи крайних форм гипотезы лингвистической относительности и лингвистического детерминизма). Тем не менее, анализ стоической философии убедительно доказывает, что многие проблемы, над решением которых задумывались мыслители еще в эпоху эллинизма, нашли свое продолжение и развитие в истории мировой философской и лингвистической мысли. И хотя о прямой филиации идей говорить, конечно же, не приходится, круг вопросов, затрагиваемых стоической теорией языка, продолжает сохранять определенную значимость для современной науки, которая сделала язык одним из основных объектов междисциплинарных исследований. Это еще раз убеждает, что в

¹ Философия: Университетский курс. Под общ. ред. проф. С.А.Лебедева. М., 2003. С.99-100.

силу особенностей философии как самопостигающей рефлексии¹ историко-философский анализ может иметь позитивное познавательное значение для исследователя, поскольку своеобразный диалог с наследием прошлого позволяет не только лучше понять генезис и сущность многих современных идей, но и актуализировать неиспользованный положительный потенциал ранее существовавших философских систем. Вследствие этого, обращение к философским системам прошлого, даже таким древним, как Стоя, сохраняет свою актуальность и сегодня, ведь «каждый прорыв к новым идеям в философии связан с критическим осмыслением предшествующего ее развития, с критическим анализом накопленного багажа философских мыслей»². В этом специфика философии как рефлексии диалогического разума.

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. С. 394; Библер В.С. Что есть философия? // Вопросы философии. 1995. №1. С. 167- 168.

² Степин В.В. Российская философия сегодня: проблемы настоящего и оценки прошлого // Вопросы философии. 1997. №5. С.6.